

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
С О В Е Т С К И Й К О М И Т Е Т С Л А В И С Т О В

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Доклады советской делегации

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

(София, сентябрь 1963)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

Главный редактор
академик В. В. ВИНОГРАДОВ

Редактор тома
кандидат филологических наук А. Н. РОБИНСОН

I

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

XI—XVII ВВ.

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

V *Международный съезд славистов*
(София, сентябрь 1963)

В. Д. Кузьмина

М. Н. СПЕРАНСКИЙ КАК СЛАВИСТ

В истории славистики XIX—XX столетий труды М. Н. Сперанского занимают почетное место рядом с работами В. Н. Щепкина, А. И. Соболевского, А. И. Яцимирского и других русских ученых.

Исследования М. Н. Сперанского по истории культуры восточных славян (русскому и украинскому фольклору, истории русской и украинской литературы) заслуживают специального рассмотрения. В свете современного интереса к вопросу о сравнительно-историческом методе в литературоведении большое методологическое значение приобретают работы М. Н. Сперанского, посвященные двум проблемам:

связям славянских литератур с византийской в XI—XVII вв. (byzantinoslavica);

связям и взаимодействию славянских литератур в XIII—XIX столетиях.

Рассмотрение этой части научного наследия М. Н. Сперанского и является темой настоящей статьи¹.

¹ Помимо печатных работ М. Н. Сперанского для данной темы наибольший интерес представляют следующие материалы:

1. М. Н. С п е р а н с к и й. Славянские отношения в русской литературе. Нежин, 1903—1905; т. I, 640 стр., т. II, 534 стр.— Нежин. Библиотека Государственного педагогического института имени Н. В. Гоголя (литографированное издание);

2. Неизданные исследования М. Н. Сперанского, хранящиеся в Москве в ЦГАЛИ, ф. 439:

а) М. Н. С п е р а н с к и й. По Сербии и Болгарии. Лето 1897 года (ф. 439, оп. I, № 102—111);

б) М. Н. С п е р а н с к и й. Сербские тексты Жития Моисея (ф. 439, оп. I, № 50);

в) М. Н. С п е р а н с к и й. Сербский Венский сборник XVI в. (ф. 439, оп. I, № 380—381);

г) М. Н. С п е р а н с к и й. Судьба поучений Григория Богослова в старой славянской письменности (ф. 439, оп. I, № 68);

Работы М. Н. Сперанского по истории культуры западных и южных славян постепенно получали всеобщее признание; еще в 1890-е годы он был избран членом Матицы Чешской, в 1902 г. он стал членом Чешско-славянского этнографического общества², в 1907 г. он был избран в члены Сербской Академии наук³, в 1926 г. — в члены-корреспонденты Болгарской Академии наук⁴.

Плодотворные разыскания М. Н. Сперанского в области византийско-славяно-русских связей в средние века были отмечены при избрании его в 1902 г. в члены-корреспонденты Академии наук и в 1921 г. при избрании в действительные члены Российской Академии наук (позднее переименованной в Академию наук СССР)⁵.

Ученик Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, И. В. Ягича, М. Н. Сперанский усвоил от них интерес к истории славянской культуры в целом.

М. Н. Сперанского привлекали поэтому не только вопросы связей и взаимодействия славянских литератур. Он живо интересовался также славянской историей и археологией, письменностью и палеографией, началом книгопечатания и историей искусства, устной народной поэзией и этнографией в широком смысле слова.

Прекрасное знание славянских языков сказалось в умелом и точном филологическом анализе текстов литературных произведений, который давал возможность выяснить историю их написания

3. Документы, дневники и часть эпистолярного архива М. Н. Сперанского, хранящегося ныне в Ленинграде в ААН (ф. 172). Этот фонд принят в ААН из ГИМ 20 июня 1932 г. См. ААН. Обзорение архивных фондов. т II [под ред. Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского], М.—Л., 1946, стр. 142;

4. Записка об ученых трудах проф. М. Н. Сперанского. Автограф В. М. Истрина. Подписи: В. Истрин, Е. Карский, Н. Никольский. ААН, ф. 1, оп. 2, № 4, § 65, стр. 8—9, 1921 г. Издана не была;

5. Часть эпистолярного архива М. Н. Сперанского (письма К. Крумбахера, М. Мурки, Л. Нидерле, В. Облака, Ф. Пастрнека, А. О. Патеры, Ю. И. Поливки, Л. Стояновича, И. В. Ягича и др., 1880—1890-е годы) — ГБЛ, Музейное собрание, № 9840—9841;

6. Доклад М. Н. Сперанского об И. В. Ягиче в Обществе любителей российской словесности. 1923. Авторизованная машинопись, 12 лл.— ГБЛ, ф. 198 (Никитинские субботники), 10/37, л. 1 б.;

7. Письма М. Н. Сперанского Н. С. Тихонравову, 1880—1890-е годы. ГБЛ, архив Тихонравова, раздел II, папка 7, № 56.

8. Доклад Б. Цонева 30 июня 1926 г. при избрании М. Н. Сперанского в члены-корреспонденты Болгарской Академии наук на Общем годичном собрании Болгарской Академии наук.— «Лѣтопись на Българската Академия на Наукитѣ», т. IX, 1925/26, София, 1927, стр. 28—29;

9. М. Г. Попруженко. М. Н. Сперанский (некролог). Там же, т. XXI, 1937/38, София, 1941, стр. 95—100. За сведения о двух последних источниках и их присылку приношу сердечную благодарность Б. С. Ангелову.

² ААН, ф. 172, оп. 1, № 188, лл. 1 и 113—114.

³ Там же, оп. 2, № 55, л. 25.

⁴ Там же, № 5, л. 91.

⁵ Записка об ученых трудах проф. М. Н. Сперанского. Автограф В. М. Истрина. Подписи: В. Истрин, Е. Карский, Н. Никольский. ААН, ф. 1, оп. 2, № 4, § 65, стр. 8—9.

и распространения. Интересы М. Н. Сперанского к изучению истории языка и литератур славянских народов закономерно привели его к работе над рукописными словарями, которые создавались в начальный период развития славянской лексикографии.

М. Н. Сперанский был тесно связан со славянским научным миром. В его архиве содержатся разнообразные ценные материалы по истории славяноведения в России и в других странах (преимущественно в Сербии, Австрии, Чехословакии, Болгарии). Следует, например упомянуть разнообразные документы, связанные с изучением славянской культуры и ее историей в 1890—1920-е годы: документы о торжественном переносе останков В. С. Караджича, о праздновании пятисотлетия со дня рождения Яна из Рокичан, о юбилее Фр. Палацкого ⁶, вырезки из зарубежной периодики к биографии И. В. Ягича ⁷, материалы к I Конгрессу славянских географов и этнографов в Праге в 1924 г., материалы к I Съезду славистов в Праге в 1928 г. ⁸ и многие другие. В отдельной папке хранятся фотографии М. Мурки, Ю. Поливки, И. Карасека, Е. Козака, М. Шрепеля и И. В. Ягича с дружескими надписями ⁹.

Долголетнее дружеское и научное общение с зарубежными учеными отражено в архиве М. Н. Сперанского в многочисленных письмах славистов ¹⁰.

Письма М. Н. Сперанского к зарубежным коллегам сохранились в его собственном архиве лишь в виде исключения (отдельные черновики). Многие сотни его писем рассеяны в различных архивах в Праге, Белграде, Загребе, Вене и других городах Европы, а частью находятся еще в частных руках.

Изучение и издание переписки М. Н. Сперанского со славистами в полном ее объеме — задача специальной работы, которая может быть выполнена лишь совместными усилиями филологов нескольких стран. Но несомненно, что доступные нам сейчас многочисленные письма славистов к М. Н. Сперанскому ¹¹ характеризуют до некоторой степени взаимно авторов и адресата. Поэтому для характеристики М. Н. Сперанского как слависта правомерно извлечь из этих писем материалы, относящиеся к данной теме и характеризующие длительный период в истории развития славяноведения совместными трудами славистов разных стран.

⁶ ААН, ф. 172, оп. 2, № 5, л. 8—9.

⁷ Там же, № 11.

⁸ Там же, № 5, лл. 67—71 и 119—127.

⁹ Там же, № 9.

¹⁰ Там же, оп. 1.

¹¹ Семь писем из эпистолярного архива М. Н. Сперанского (ААН, ф. 172) были изданы в кн.: Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1948 (далее: «Документы», 1948): № 93 — письмо С. Томича от 5/17 сентября 1897 г., № 94 — письмо Л. Стояновича от 11/23 октября 1897 г., № 98 — письмо К. Ф. Радченко от 14/26 апреля 1899 г., № 100 и 177 — письма И. В. Ягича от 3/15 августа 1899 г. и 4/17 июня 1909 г., № 102 — письмо Ф. Пастрнека от 6/18 ноября 1899 г. и № 108 — письмо М. Шрепеля от 1/14 мая 1900 г.

Из писем славистов старшего поколения первоочередной интерес представляют письма И. В. Ягича (на 247 листах, 1896 — 1923 гг.).

В переписке с М. Н. Сперанским И. В. Ягич постоянно обсуждал свои разнообразные работы, делился замыслами, а порой просил дружеского содействия и помощи.

Так, например, в 1898 г., изучая сборник конца XIII в., включающий вместе с апокрифами (Первоевангелие Иакова, Послание Пилата) произведения, приписываемые Иоанну Златоусту, он просил М. Н. Сперанского подыскать параллели к восьми словам изучаемого сборника¹². В 1910 г. И. В. Ягич просил М. Н. Сперанского навести библиографические справки по глаголице и заказать в Румянцевском музее снимки с тех страниц Боянского евангелия, на которых видны следы стертого глаголического текста¹³. Исследуя отношение сербского перевода «Топографии» Козьмы - Индикоплова к греческому оригиналу в 1912 г., И. В. Ягич сообщал М. Н. Сперанскому: «наш сербский список совсем в зависимости от русского. Это по Вашей части — одно доказательство больше в пользу взаимодействия южнославянских и русской литературы», и отмечал сочетание воздействий русской традиции с далматинской и итальянской в миниатюрах данной рукописи¹⁴.

В глазах И. В. Ягича авторитет М. Н. Сперанского в вопросе о литературных связях древней Руси с Сербией и Болгарией был бесспорным. Он писал ему, например, как о деле, решенном 5(18) марта 1904 г.: «...я Вас внес в „Энциклопедию“ для статьи о литературных сношениях русских с южными славянами. Имейте это в виду»¹⁵.

И. В. Ягич настоятельно советовал М. Н. Сперанскому в 1904 г. не прерывать занятий по изучению связей русской литературы с южнославянскими: «Не забывают, что у Вас остается... по-прежнему важная тема для истории литературы — сношения русских с южными славянами»¹⁶.

В 1890-е годы И. В. Ягич привлек М. Н. Сперанского как и других участников своего славянского семинария в Вене (Г. С. Джоржевича, М. И. Ивана, Е. А. Козака, Д. А. Матова, Ф. А. Пастернака) к изданию древнейших списков славянской Толковой Псалтыри. Для этой книги М. Н. Сперанский подготовил текст Погодинской псалтыри XI в. (ГПБ, Погодин, № 8) и подвел варианты к тексту Болонской псалтыри по списку XII в. из так называемой Толстовской псалтыри (ГПБ, Ф. п. 23)¹⁷.

¹² ААН, ф. 172, оп. 1, № 276, лл. 9—10 (14/26 января 1898 г.).

¹³ Там же, л. 191 (18/31 августа 1910 г.).

¹⁴ Там же, л. 235 (5 апреля 1912 г.).

¹⁵ Там же, л. 85 об.—86.

¹⁶ Там же, л. 92.

¹⁷ «Словенская псалтырь. Psalterium Bononiense. Interpretationem veterem slavica cum aliis codicibus collatam, adnotationibus ornatam, appen-

В 1900-е годы в переписке И. В. Ягича с М. Н. Сперанским большое место занимает «Энциклопедия славянской филологии», для которой в эти годы И. В. Ягич писал «Историю славянской филологии». Не имея под руками в Вене необходимых био-библиографических пособий, он постоянно просил М. Н. Сперанского прислать биографии и списки трудов русских славистов (А. Л. Дювернуа и П. А. Бессонова, О. М. Бодянского и В. И. Григоровича, С. П. Шевырева, В. М. Ундольского, Андрея и Нила Поповых, Леонида Кавелина, Н. В. Калачева, В. В. Качановского, М. И. Соколова, А. С. Павлова, П. И. Бартенева, В. Н. Малинина и др.)¹⁸.

Заслуживают также внимания письма И. В. Ягича М. Н. Сперанскому о плане второй части «Энциклопедии славянской филологии», которая должна была включать историю славянских литератур.

Осенью 1911 г. И. В. Ягич советовался с М. Н. Сперанским о принципе построения истории средневековых славянских литератур, которая, по его мнению, должна была начинаться обзорением произведений, написанных на церковнославянском языке. Он полагал «начать с вопроса о Кирилле и Мефодии и их деятельности, прибавить изложение всего, что касается церковной литературы (т. е. не только книг литургических, но также назидательной литературы в виде переводов сочинений отцов церкви и т. д.)... К общей церковнославянской литературе я причисляю, конечно, также те не очень многочисленные сюжеты средневекового характера, как Притчу о Трое, об Александре, Пчелу, Физиолог и т. д. и, разумеется, все апокрифы. Как Appendix к этому обзору нужно прибавить также произведения глаголической литературы хорватов... Если таким образом выделить общее церковнославянское содержание из литератур древнеболгарской, древнерусской и древнесербской, остается для древнерусской литературы чисто домашняя деятельность, содержание то же, отчасти — духовное, отчасти — светское»¹⁹.

Из письма И. В. Ягича, написанного два месяца спустя, видно, что М. Н. Сперанский, соглашаясь с замыслом, предупреждал

dicibus auctam adiutus Academiae scientiarum vindobonensis liberalitate edidit V. Jagić accedunt XIX specimina codicum». Vindobonae. Berolini, Petropoli, 1907. Предисловие И. В. Ягича, стр. VIII и X. Ср.: ГПБ, Труды отдела рукописей. Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдавляйские, сербские [под ред. Д. С. Лихачева]. Л., 1953, стр. 80 и 18. Об участии М. Н. Сперанского в издании славянской Толковой псалтыри см. также: «Документы», 1948, стр. 141. М. Н. Сперанский сообщал своему учителю Н. С. Тихонравову о ходе коллективной работы и своем участии по подготовке текста славянской Толковой псалтыри (ГБЛ, архив Н. С. Тихонравова, II, папка 7, ед. хр. 56. — Письма М. Н. Сперанского из Вены от 28. XI (9. XII) 1890 г. и 4 (16) II 1891 г.).

¹⁸ ААН, ф. 172, оп. 1, № 276, лл. 139—139 об., 146 об.— 147, 149, 152—152 об., 156 об.— 157, 164 и 167.

¹⁹ ААН, ф. 172, оп. 1, № 276, лл. 220—221 (17/30 сентября 1911 г.).

о трудности в разделении общеславянской литературы от литератур отдельных народов для раннего периода XI—XIII столетий. «Вы отлично поняли мое желание, — отвечал М. Н. Сперанскому И. В. Ягич... —я чувствую целесообразность соединения всех литературных явлений, представляющих общее достояние византийско-славянского православного мира, в одно систематическое целое. Но трудно определить границу между этим общим достоянием и частным — отдельных литератур. Быть может, придется все-таки делать подразделение, так что, например, Климент Македонский войдет в церковнославянскую болгарскую, Кирилл Туровский — в церковнославянскую русскую письменность. Или же отнести бы нам в общеславянскую церковнославянскую письменность только анонимные сочинения?»²⁰.

В речи, произнесенной на заседании Академии наук памяти И. В. Ягича после его кончины, М. Н. Сперанский напоминал о полустолетней активной связи умершего с Россией и русской наукой (И. В. Ягич был избран членом-корреспондентом в 1868 г. и ординарным академиком в 1881 г.) из его более чем шестидесятилетней научной деятельности.

М. Н. Сперанский указывал, что связь И. В. Ягича с Россией не ограничивалась одесским (1872—1874) и петербургским периодами (1880—1886), когда он профессорствовал в русских учебных заведениях и стал принимать участие в работе Академии наук. Эта связь, подчеркивал М. Н. Сперанский, особенно окрепла в 1890—1900-е годы благодаря дружбе И. В. Ягича с А. А. Шахматовым, совместной работе его с русскими учеными над «Энциклопедией славянской филологии», над подготовкой предварительного съезда славистов в Петербурге в 1903 г.²¹

Из скромности М. Н. Сперанский ничего не сказал в своих отношениях с И. В. Ягичем, а между тем еще в одном из писем (7/20 мая 1908 г.) И. В. Ягич писал ему: «Ваша дружба мне очень дорога...»²²

Только один раз прозвучала личная нота в речи всегда сдержанного М. Н. Сперанского, когда он говорил в 1923 г. о тяжести и остроте утраты «для всех нас, особенно для тех, на чью долю выпало счастье быть в более или менее близком и долговременном общении» с И. В. Ягичем²³.

²⁰ ААН, ф. 172, оп. 1, № 276, л. 224 (17/30 ноября 1911 г.). Ср. письмо аналогичного содержания, написанное И. В. Ягичем А. А. Шахматову 17/30 сентября 1911 г. («Документы», 1948, стр. 328). Обсуждая кандидатуру возможных авторов для раздела истории славянских литератур раннего средневековья, И. В. Ягич писал А. А. Шахматову: «У него (М. Н. Сперанского. — В. К.) то преимущество (перед И. Е. Евсеевым. — В. К.), что он чувствует естественную связь русской церковной письменности с южнославянской».

²¹ М. Н. Сперанский был участником предварительного съезда 1903 г. («Документы», 1948, стр. 232).

²² ААН, ф. 172, оп. 1, № 276, л. 142.

²³ М. Н. С п е р а н с к и й. Жизненный труд и историко-литературная деятельность И. В. Ягича. ИОРЯС, 1924, т. XXVIII, стр. 341.

Шестьдесят два письма (на 114 листах) Ю. И. Поливки охватывают 1896—1928 гг.²⁴ Искренняя дружба связывала Ю. Поливку с М. Н. Сперанским с давних пор. «С Вами... связаны лучшие воспоминания молодых лет», — писал ему Ю. Поливка 20 января 1926 г.²⁵

Ю. Поливка был близок с М. Н. Сперанским еще в 1890—1892 гг., когда последний подолгу жил в Праге, занимался в Национальном музее апокрифической литературой, описывая попутно рукописи П. И. Шафарика и чешские народные книжки. Впоследствии Ю. Поливка неоднократно приезжал на археологические съезды в Россию, был в 1902 г. на гоголевских торжествах в Москве и поместил отчет о них в чешском литературном журнале «Zvon». В последний раз Ю. И. Поливка был в России на 200-летнем юбилее Академии наук зимой 1925/26 г.

Но, пожалуй, наибольший интерес в письмах Ю. И. Поливки М. Н. Сперанскому представляют сообщения о работе над «Примечаниями» к «Сказкам» братьев Гримм в 1912—1913 гг.

14 апреля 1912 г. Ю. И. Поливка писал М. Н. Сперанскому: «...составляю славянские варианты для сказок Гриммов для нового издания, которое prepares Joh(annes) Volte. Это будет капитальный труд, и я очень рад, что могу в этом издании указать западному миру громадное богатство наших сказок». 10 ноября того же года Ю. И. Поливка жаловался М. Н. Сперанскому на трудности с комментированием сказок Гриммов, когда вместо славянских изданий под руками только их немецкие переводы: «вот Vogel (1841, «Die ältesten Volksmärchen der Russen») перевел отчасти «Дедушкины прогулки», изданные в Москве в 1819 г., отчасти другие лубочные листки. Искал я, что такое эти «Дедушкины прогулки»; ни у Афанасьева, ни у Ровинского нет..., у Пыпина («История русской этнографии») только самая коротенькая библиографическая отметка. Вот, что следовало бы Вам критически обработать — все эти разные сборники последней четверти XVIII столетия, начиная с чулковских; отделить, что в них народного, по крайней мере по сюжету и одиноким мотивам». Возвращаясь через три месяца к своим комментариям и примечаниям к сказкам Гриммов, Ю. И. Поливка с удовлетворением писал М. Н. Сперанскому: «Вот первый раз собственно славянские сказки перед европейским ученым миром и даны они славянином»²⁶.

В некрологе Ю. И. Поливки М. Н. Сперанский писал о тесной связи покойного с Россией, с русской наукой и русскими учеными, о его замечательной монографии, посвященной восточнославянским сказкам, об его университетском курсе по истории новой русской литературы. Отдельные очерки Ю. И. Поливки о русских писателях (Радищеве, Некрасове, Тютчеве и др.) и ученых (Пыпине)

²⁴ ААН, ф. 172, оп. 1, № 188.

²⁵ Там же, л. 96.

²⁶ Там же, лл. 68 об., 73 об. (10 ноября 1912 г.); л. 77 (письмо без даты, штемпель получения: 17 февраля 1913 г.)

печатались по материалам этого курса в периодике и знакомили широкого чешского читателя с русской культурой.

Но больше всего ценил М. Н. Сперанский работы своего друга в области сказки. Он считал Ю. И. Поливку «лучшим из современных знатоков славянской сказки и выдающимся знатоком славянской сказки вообще», отводя первое место участию Ю. И. Поливки в издании И. Больте «Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm», где Ю. И. Поливкой было написано все, что касалось славянских сказок. М. Н. Сперанский подчеркивал, что эта работа Ю. И. Поливки «составляет его заслугу в общеевропейской науке, до сих пор недостаточно интересовавшейся и редко привлекавшей славянский материал»²⁷.

Одиннадцать писем чешского слависта Ф. Тихого (л. 1—5 и 7—27) и черновик одного ответа М. Н. Сперанского охватывают 1926—1929 гг. и касаются работы Ф. Тихого, в те годы — начинающего молодого исследователя, над угро-русским песенником XVIII в. из рукописного собрания Московского университета. Ф. Тихий сначала обратился к М. Н. Сперанскому с просьбой прислать ему фотоснимки двух листов (лл. 95 об. и 96) копии отдельных песен с упоминанием «русского края»²⁸. Позднее он просил М. Н. Сперанского осветить происхождение сборника и помочь как в сопоставлении текстов этого песенника с чешскими песнями, так и в подборе песенных вариантов. Всего в течение 1926/27 г. М. Н. Сперанский сделал для Ф. Тихого копии 27 текстов и дал развернутое палеографическое описание рукописи²⁹. Наконец, при содействии М. Н. Сперанского по ходатайству Чехословацкой Академии наук сборник был переслан в Прагу и Ф. Тихий смог работать непосредственно над рукописью.

Ф. Тихий с благодарностью рассказал о содействии его работе М. Н. Сперанского, «друга чехов», а на стр. 9—11 первого раздела своей монографии напечатал палеографическое описание университетского песенника, присланное ему М. Н. Сперанским в письме от 12 июня 1927 г.³⁰

Благорасположение к людям, бескорыстная помощь, готовность выполнить для коллеги необходимую техническую работу (копирование, подбор вариантов, сопоставление текстов, палеографичес-

²⁷ М. Н. С п е р а н с к и й. Ю. И. Поливка (некролог). «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», 1933, № 9, стр. 651—652.

²⁸ ААН, ф. 172, оп. 1, № 235, л. 6.

²⁹ Там же, лл. 9—18.

³⁰ «R. 1926 obrátil jsem se písemně na vzácného přítele našeho národa, akademika M. Speranského v Moskvě, jehož dobrotivě z prostředkování umožnovalo počáteční studium rukopisu. V dopise ze dne 12. července 1927 podal M. Speranskij tento vědecký popis rukopisu...» (далее следует описание сборника).— Fr. T i s h y. Ceskoslovenské písně v moskevském zpěvníku. Praha a Bratislava, 1931, str. 9. На это палеографическое описание университетского песенника, сделанное М. Н. Сперанским, ссылается В. Н. Перетц в статье 1932—1933 гг. «Угро-русский песенник начала XVIII в.», изданной посмертно в сб.: В. Н. П е р е т ц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. М.—Л., 1962, стр. 163—164.

кое описание) — эти качества М. Н. Сперанского, человека и исследователя, отчетливо выступает в переписке со многими зарубежными корреспондентами, но они, пожалуй, особенно наглядны в его переписке с Ф. Тихим.

М. Н. Сперанский был близок не только с учеными славянского мира. В 1890—1892 гг. он хорошо знал известного сербского историка, журналиста и писателя русофила Милорада Медаковича. После бурной политической и литературной карьеры в Сербии и Черногории М. Медакович жил в эти годы на покое в Белграде, где умер весной 1897 г. «Ему я обязан был своим знанием народной сербской поэзии, массой живых рассказов из прошлого, знанием сербского языка. Я жил у него в доме, учился сербским песням, целые вечера слушал его рассказы про Вука Караджича, про Негошей», — писал М. Н. Сперанский в 1897 г.³¹

Постоянное общение и личные контакты со многими славистами обусловили появление в печати многочисленных рецензий, библиографических заметок и обзоров М. Н. Сперанского по различным отраслям славяноведения (история и археология, палеография, эпиграфика, история литератур славянских народов, этнография и т. д.). Он не раз печатал обзоры славянских журналов («Старинар», «Сборник за народни умотворения», «Český Lid», «Památky archaologické a mistopisné», обзоры новых изданий Болгарской и Сербской Академии наук.

Следы личного дружеского и научного общения с сербскими и чешскими славистами выступают и в некрологах и в статьях М. Н. Сперанского.

Восьмилетняя искренняя дружба связывала его с рано умершим сербским молодым ученым Г. С. Джорджевичем, и М. Н. Сперанский ценил талантливые работы своего друга по истории сербской поэзии (Сима Милутинович Сарайлия) и публицистике (М. Дивкович)³².

Отзвуки многолетнего дружеского общения с известным сербским археографом Л. В. Стояновичем сохранились помимо переписки в статьях М. Н. Сперанского. Приведем два примера. В статье 1908 г. «В. С. Караджич и русская народная песня» М. Н. Сперанский отмечал, что записи русских песен (сделанные самим Вуком и для него во время пребывания в России в 1819 г.) были найдены в архиве Л. В. Стояновичем при подготовке к печати переписки В. С. Караджича и переданы им М. Н. Сперанскому летом 1906 г.³³

В некрологе Л. В. Стояновича, высоко оценивая его разнообразные работы по источниковедению национальной культуры Сербии, М. Н. Сперанский писал, по-видимому, со слов умершего друга,

³¹ М. Н. Сперанский. По Сербии и Болгарии (лето 1897 года). Автограф (ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 102).

³² М. Н. Сперанский. Памяти Дж. С. Джорджевича. РФВ, 1898, № 3—4, стр. 331—334.

³³ М. Н. Сперанский. В. С. Караджич и русская народная песня. ИОРЯС, 1908, т. XII кн. 4, стр. 277.

что тот осуществил в своей научной деятельности завет учителя по реальной школе, Момчила Иванича. Последний советовал юноше идти на философский факультет и посвятить жизнь изучению культуры родной страны; этим, говорил юному Любомиру Момчил Иванич, за нас иностранцы заниматься не будут³⁴.

Знание культуры южных и западных славян у М. Н. Сперанского выходило далеко за пределы занятий в архивах и библиотеках разных стран. Как показывают его дневники 1890—1903 гг. и неизданный этнографический очерк 1897 г., он жил в Варшаве и Кракове, Праге, Загребе и Белграде, исходил пешком Далмацию, занимался в Дубровнике, в Сараеве, Софии, во Фрушкой горе, в монастырских библиотеках Сербии и Болгарии, бывал в Пловдиве и Адрианополе³⁵.

В августе 1892 г. М. Н. Сперанский посещал археологические раскопки, которые велись в предместье Праги (Бубенеч) под руководством проф. Пича. В 1897 г. он описывал народные сельские гулянья в Сербии и Болгарии (костюмы, танцы, обычаи), осматривал фрески знаменитой Боянской церкви, объездил старинные монастыри Сербии, интересовался резьбой по камню, украшавшей в них порталы и оконные проемы³⁶.

Интересы М. Н. Сперанского в области славистики сказались и в его деятельности как профессора и автора учебников.

Вопрос о взаимном характере связей русской литературы с южнославянскими он сделал одной из тем вступительной лекции, прочитанной им в 1896 г. после избрания профессором в Нежинском историко-филологическом институте³⁷.

В 1899 г. он написал статью «Гуситы и чешские братья» для «Книги для чтения по истории средних веков». В 1903—1905 гг. он читал в Нежинском Историко-филологическом институте двухлетний специальный курс «Славянские отношения в русской литературе», в котором прослеживал развитие взаимных связей русской литературы со славянскими на протяжении XI—XIX столетий. Наконец, в 1911 г. вместе с В. К. Поржезинским М. Н. Сперанский составил «Краткий очерк истории славянских литератур и языков».

³⁴ М. Н. Сперанский. Л. В. Стоянович (некролог). «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», VII серия, 1931, № 2, стр. 131.

³⁵ Отрывки из дневников М. Н. Сперанского во время пребывания за границей в 1890—1908 гг. хранятся в ААН (ф. 172, оп. 2, № 1, на 61 листе разного формата). Неизданный этнографический очерк «По Сербии и Болгарии. Лето 1897 года» хранится в ЦГАЛИ. К нему приложены семь фотографий, зарисовки и две перерисовки, сделанные М. Н. Сперанским (ф. 439, оп. 1, № 103—111).

³⁶ ААН, ф. 172, оп. 2, № 1, лл. 48—50; лл. 51—60. Ср. также: М. Н. Сперанский. По Сербии и Болгарии. Лето 1897 года (№ 110—111).

³⁷ М. Н. Сперанский. Деление истории русской литературы на периоды и влияние русской литературы на югославянскую (вступительная лекция). РФВ, 1896, № 3—4, стр. 193—223 (далее: Сперанский, РФВ, 1896).

В одной статье небольшого объема невозможно подробно рассмотреть все стороны научной деятельности М. Н. Сперанского в различных областях славяноведения. Остановимся поэтому на тех вопросах, в которых он был первооткрывателем и завоевал своими трудами приоритет русской науке, и на тех сторонах его деятельности, которые до сих пор были мало известны, хотя и представляют значительный научный интерес.

Прежде всего необходимо отметить, что М. Н. Сперанский был славистом широкого профиля. Его интересовала славянская культура во всех ее проявлениях от глубокой старины до современности. Характерно, что в его библиографическом обзоре исследования поэзии П. Славейкова или повести В. Друмева и монография о болгарско-чешских связях в половине XIX в. стояли рядом с книгами, посвященными изучению западноболгарского Апостола сербской редакции XIV в. или лондонского экземпляра Евангелия Иоанна-Александра и его миниатюр³⁸.

Смолоду М. Н. Сперанский поставил перед собой задачу собрать материал для написания истории древнерусской литературы «в ее международном общении», рассмотреть ее отношения к литературам византийской, южнославянским, западнославянским и западноевропейским.

В период собирания материалов для магистерской диссертации во время заграничной командировки (1890—1892) М. Н. Сперанский параллельно работал как византинист и славист. Два семестра он занимался славянскими языками и византийской палеографией под руководством И. В. Ягича, а затем по указаниям К. Крумбахера работал над неизданными греческими рукописями в Мюнхене, Риме, Флоренции, Неаполе, Венеции, Париже.

По-видимому, еще в 1890-е годы молодой ученый заинтересовался на всю жизнь проблемой *byzantinoslavica*. Вопрос о греческих оригиналах славянских средневековых переводов, о вторичной правке их по оригиналам тесно сплетается в его работе с изучением литературной истории переводных текстов на славянской почве.

И в зрелые годы внимание М. Н. Сперанского преимущественно привлекали византийско-славянские связи, сложное взаимодействие славянских литератур в творческом овладении наследием византийской культуры (Историческая Палея, апокрифы, агиография, патристика, Физиолог, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, сборники изречений и др.).

При этом наряду с произведениями прославленных авторов (например, Пахомия Логофета), М. Н. Сперанский стремился по возможности привлечь к изучению аналогичную деятельность восторженнейших (в условиях средневековья — анонимных) писателей, современных им. Он считал, что только совокупность фактов дает правильное представление о характерных тенденциях историко-ли-

³⁸ М. Н. С п е р а н с к и й. Из изданий Болгарской Академии Наук. ИноРЯС, т. III, кн. 2, 1930, стр. 613—619

тературного процесса. Именно так исследовал М. Н. Сперанский характерные общие черты в переработке Исторической Палеи, сделанной в XV в. Пахоимом Сербом и его анонимным соотечественником³⁹.

М. Н. Сперанский разделял воззрения Н. К. Никольского, что роль церкви и монастырей в развитии средневековой литературы была преувеличена.

Изучив описи сербских церковных и монастырских библиотек (описи библиотеки сараевской церкви в честь архангелов Михаила и Гавриила за 1644—1840 гг. и описи монастыря Добриловины за XVII—XVIII вв., изданные Л. В. Стояновичем), он пришел к выводу, что и у южных славян в XVII в. кроме монастырских и церковных, были светские литературные центры — дворы югославянских владык, а более богатыми были те монастырские библиотеки на Балканах, которые пользовались покровительством светских меценатов⁴⁰.

М. Н. Сперанский не исследовал литературу как средство и отражение классовой борьбы, как не ставили этого своей целью и многие его современники. Но сложившийся под идейным воздействием Н. С. Тихонравова, он считал неверным ограничивать историю литературы изучением лишь литературы господствующих классов (или, как он писал, «высших классов») ⁴¹ и считал, что рядом с произведениями корифеев в истории литературы должны занять свое место устная народная поэзия, рукописные демократические сборники, лубочная книжка и картинка.

Именно поэтому в русской устной народной поэзии внимание М. Н. Сперанского привлекали произведения, связанные с крестьянскими войнами XVII и XVIII столетий (песни о попе Емеле, вирши о Белобородове, соратнике Пугачева)⁴². Он предлагал ввести историю русской литературы XVIII в. материалы рукописных сборников, где немалое место отводится антидворянской и антицерковной юмористике и сатире⁴³.

Аналогичными были и его интересы в области истории славянских литератур, в которых его привлекали прежде всего древние апокрифические легенды. Связь последних с еретическими движениями раннего средневековья (в частности — богомилством) он подчеркивал не раз, начиная с монографий об апокрифических

³⁹ М. Н. С п е р а н с к и й. Югославянские тексты «Исторической Палеи» и русские ее тексты. Сб. «Из истории русско-славянских литературных связей», М., 1960, стр. 117—122 и 142—147.

⁴⁰ М. Н. С п е р а н с к и й. Сербская церковная библиотека XVII века. «Почесть». Харьков, 1908, стр. 29—36.

⁴¹ М. Н. Сперанский, РФВ, 1896, стр. 196—197.

⁴² М. Н. С п е р а н с к и й. Поп-разбойник Емеля. «Slavia», т. II, вып. 4, 1924, стр. 652—655; М. Н. С п е р а н с к и й. Вирши о Белобородове, соратнике Пугачева. Журнал 28-го заседания Тверской ученой архивной комиссии от 5 мая 1890 г. Тверь, 1890, стр. 4.

⁴³ М. Н. С п е р а н с к и й. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963, стр. 69 — 72, 142 — 146, 164.

деяниях и евангелиях (1894—1895). По этой же причине с 1898 г. М. Н. Сперанский интересовался Повестью о Теофане корчмарице и апокрифом Видение Анастасии.

Придавая большое значение археографии, М. Н. Сперанский непрерывно работал над описанием старинных южнославянских рукописей на Балканах и в отечественных хранилищах.

В 1894 г. вышло его описание 38 рукописей кирилловского письма из пражской коллекции П. И. Шафарика⁴⁴. Четыре года спустя М. Н. Сперанский издал «Заметки о рукописях белградских и софийской библиотек»⁴⁵, дополнением к которым стала затем его статья о белградских рукописях, напечатанная в 1914—1915 г.⁴⁶ К этому надо прибавить описанные им южнославянские рукописи из собрания Нежинского Историко-филологического института⁴⁷, а также описания южнославянских рукописей из собраний Хлудова и Щукина в Государственном историческом музее в Москве. Эти два описания были составлены им в 1920-е годы и донныне хранятся в отделе рукописей ГИМ в единственном рукописном экземпляре⁴⁸.

Археографическая работа М. Н. Сперанского была тесно связана с его исследованиями в области истории славянских литератур. Составленные им описания рукописей гораздо подробнее обычных. Помимо необходимых палеографических сведений и постатейной росписи содержания они нередко содержат развернутые лингвистические характеристики и сжатое изложение литературной истории памятника, а порой и его публикацию. Приведем несколько примеров.

В описании 38 рукописей, писанных кириллицей, из собрания П. И. Шафарика (Прага, Национальный музей) в комментариях к отдельным текстам и сборникам (Синаксарь великий с праздником Покрова, памятями русских святых и молитвами Кирилла Туровского — № 5; хронографы — № 26, 28, 29; Повесть о создании

⁴⁴ М. Н. Сперанский. Рукописи П. И. Шафарика в Праге. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1894, кн. 1, стр. I—X + 1—106.

⁴⁵ М. Н. Сперанский. Заметки о рукописях белградских и софийской библиотек. «Известия ИФИ», Нежин—Москва, 1898, т. XVI, стр. 1—87.

⁴⁶ М. Н. Сперанский. Белградские рукописи. Библиографическая летопись. СПб., ОЛДП, т. I, 1914, стр. 51—59; т. II, 1915, стр. 3—20.

⁴⁷ М. Н. Сперанский. Описание рукописей Историко-филологического института в Нежине. «Известия ИФИ», М., 1900, т. XVIII, стр. 1—143; Нежин, 1901, т. XIX, стр. I—VIII + 1—39; М. Н. Сперанский. Рукописное собрание библиотеки Историко-филологического института в Нежине. Приобретения 1901—1903 гг. «Известия ИФИ», Нежин, 1904, т. XXI, стр. 1—28; М. Н. Сперанский. Рукописное собрание библиотеки Историко-филологического института в Нежине. Приобретения 1904—1905 гг. «Известия ИФИ», Нежин, 1906, т. XXII, стр. 1—40.

⁴⁸ М. Н. Сперанский. Описание рукописей собрания Хлудова в ГИМ. Дополнение 2-е (№ 69—178). Рукопись, 39 лл. — ГИМ, отдел рукописей (1928—1929); М. Н. Сперанский. Описание рукописей собрания П. И. Щукина в ГИМ (№ 489—994), не вошедших в описание А. И. Яцимирского. Рукопись, 177 лл. — ГИМ, отдел рукописей (1926—1927).

и падении Царьграда — № 10) содержатся основные наблюдения и выводы, изложенные М. Н. Сперанским позднее в статьях 1896 г.⁴⁹

Статья М. Н. Сперанского 1898 г. является не столько описанием отдельных рукописей белградских и софийской библиотек, над которыми он работал в летние каникулы 1897 г., сколько исследованием этих рукописей с публикацией наиболее интересных произведений.

Для палеографов и филологов интерес представляют его характеристики графики и текста паримейников (№ 300, 86, 162) и библейских книг (№ 459, 69, 63, 426, 92) по рукописям Народной библиотеки в Белграде. В этой же статье М. Н. Сперанский впервые исследовал и издал две повести: Повесть о Теофане корчмарице (сб. № 104 Народной библиотеки в Белграде) и Повесть о Соломоне и его жене (сб. № 104 Народной библиотеки в Белграде и № 80 Библиотеки в Софии). Проводя филологический и стилистический анализ Повести о падении Царьграда (сб. № 306 Народной библиотеки в Белграде), М. Н. Сперанский доказал с несомненностью ее русское происхождение. Заявками на последующие исследования памятников были публикация отрывка апокрифического Видения Анастасии (список 1752 г. из сб. № 558 Народной библиотеки в Белграде) и указания на сборники заговоров XVIII в. (Народная библиотека в Белграде, № 555), на сборник сербских виршей XVIII в. по русским образцам (сб. № 27 Библиотеки Академии наук в Белграде, начало XIX в.) и статью о ложных книгах по болгарскому сборнику XVIII в. с упоминанием неизвестных апокрифов (Библиотека в Софии, № 62).

Описывая рукописное собрание Нежинского Историко-филологического института, М. Н. Сперанский уделил особое внимание сербскому сборнику третьей четверти XIV в. (№ 162), некогда приобретенному В. В. Качановским на Балканах⁵⁰. Позднее, в 1907 г. М. Н. Сперанский сопоставил этот сборник с другими аналогичными (сборник Сречковича, начало XIV в.; сб. № 104 Белградской Народной библиотеки), подчеркнув, что составители их, судя по содержанию и характеру произведений, близко стояли «к народной массе», «не порывали с ней и ее воззрениями», в отличие от ученых книжников средневековья. Эти сборники принадлежат к народной письменности, отличающейся от письменности преимущественно научно-богословской, распространенной в средние ве-

⁴⁹ Ср.: М. Н. Сперанский. Рукописи П. И. Шафарика в Праге, стр. 29—33, 42—43, 80—87, 88—96; его же. Сербские хронографы и русский первой редакции. РФВ, 1896, № 1, стр. 3—5, 16, 18; М. Н. Сперанский, РФВ, 1896, стр. 216, 219, 220. См. отзыв И. Вашицы об описании М. Н. Сперанским 38 рукописей, писанных кириллицей, в коллекции Шафарика: J. Vašica, J. Vajs. Soupis staroslovanských rukopisů Národního Musea v Praze. Praha, 1957, Úvod, str. VIII.

М. Н. Сперанский подробно не раз писал Н. С. Тихонравову в 1889—1891 гг. о своих занятиях и находках новых неизданных памятников по теме byzantinoslavica (ГБЛ, архив Н. С. Тихонравова, 2, папка 7, ед. хр. 56)

⁵⁰ «Известия ИФИ», т. XXII, Нежин, 1906, стр. 16—21.

ка в образованной части общества. Создание таких сборников в демократической среде, по мнению М. Н. Сперанского, и объясняет преимущественный интерес их составителей к легендарно-апокрифической литературе, сохранявшей порой даже в позднейшей оцерковленной переработке отдельные черты еретических воззрений (в частности — следы богомилства)⁵¹.

Статья М. Н. Сперанского «Белградские рукописи» (1914—1915) является дополнением к описанию Л. В. Стояновича (Ль. С т о ј а н о в и ћ. Каталог Народне библиотеке у Београду. IV. Рукописи и старе штампане књиге. Београд, 1903) и представляет в первой части обзор 117 рукописей — не вошедших туда позднейших поступлений (так называемый «Новый фонд»). Вторая часть статьи содержит подробную характеристику сборника № 115/828 XV в. Этот сборник, указывал М. Н. Сперанский, подобно сборнику Сречковича начала XIV в. и некоторым другим, отражал вкусы простонародного средневекового южнославянского читателя, который интересовался апокрифами, сказочными и занимательными повестями. В дополнение к подробной постатейной росписи содержания сборника, сопоставлению его с содержанием других южнославянских простонародных сборников XIV—XVI вв. и библиографии М. Сперанский издал Повесть о Теофане корчмарице и апокриф Откровение апостолам по тексту этого сборника⁵².

Работая в 1920-е годы в Государственном Историческом музее над описанием тех частей собраний Хлудова и Щукина, которые не вошли в прежние печатные описания, М. Н. Сперанский извлек немало материалов по интересовавшей его в эти годы проблеме.

В отличие от предшествующих десятилетий М. Н. Сперанский значительно реже готовил теперь к печати отдельные заинтересовавшие его тексты (например, флорилегий «Разуми душеполезни святых отць и вьнешних философ» и отрывок «Физиолога» по среднеболгарскому сборнику, ГИМ Хлудов 237, и некоторые другие). Его внимание было преимущественно направлено на продолжение обобщающего обзора византийско-русско-славянских связей в XIV—XVI вв.

Благодаря постоянной работе М. Н. Сперанского над рукописями вторая часть обзора в окончательном тексте 1938 г.⁵³ значительно обогатилась новыми материалами (например, Житие Андрея Юродивого по списку ГИМ Хлудов 238; Историческая Палая

⁵¹ М. Н. С п е р а н с к и й. Откровение св. апостолам. «Древности», Труды Славянской комиссии Московского Археологического общества, т. IV, вып. 1, 1907, стр. 259—267. Текст Откровения издан по сб. № 162 (там же, стр. 268—269).

⁵² М. Н. С п е р а н с к и й. Белградские рукописи. Библиографическая летопись, 1915, т. II, стр. 3—20. Обзор списков Повести о Теофане корчмарице и характеристику русской версии см.: М. Н. Сперанский. «Болгарская повесть об убийстве Никифора Фоки в русской старинной литературе» («Ювілейній збірник на пошану М. С. Грушевського», У Києві, 1928, стр. 220—229).

⁵³ М. Н. С п е р а н с к и й. Русские памятники письменности в южнославянских литературах XIV—XVI веков. Сб. «Из истории...», стр. 55—103.

по спискам ГИМ Щукин 505; ГБЛ Муз. 1472 и ГБЛ Троице-Сергиева лавра 180; Чудеса Николы по спискам ГИМ Хлудов 105, 162, 195, 241 и др.) и подробной литературной историей как отдельных произведений (апокриф Житие Моисея; Историческая Палея), так и целых циклов (слова Григория Богослова, цикл эсхатологических апокрифов).

Как показывает состав научного архива М. Н. Сперанского, включению этих разделов в обзор предшествовало монографическое изучение вопросов, результаты которого были обработаны предварительно в виде цикла докладов ⁵⁴, а в одном случае (Историческая Палея) — в виде самостоятельной статьи ⁵⁵.

Разработка проблемы *byzantinoslavica* была намечена М. Н. Сперанским еще в период работы над магистерской диссертацией, посвященной литературной истории апокрифических евангелий и деяний на славянской почве ⁵⁶. Параллельно с занятиями апокрифами М. Н. Сперанский начал работу по изучению сербских списков Исторической Палеи, установил с несомненностью их русский источник ⁵⁷, выяснил русский оригинал (хронограф 1512 г.) сербских хронографов ⁵⁸ и стал заниматься сопоставлением славянских переводов византийских сборников изречений ⁵⁹.

Изучая в 1890-е годы взаимодействие славянских литератур между собой в течение XI—XVII столетий, М. Н. Сперанский интересовался также вопросом о преемственных связях литературы средневековья с устной поэзией, изобразительным искусством и народной книжкой нового времени.

Исследуя, например, литературную историю апокрифических евангелий у славян, М. Н. Сперанский отмечал отголоски этих произведений в славянских народных песнях на евангельские темы ⁶⁰.

⁵⁴ М. Н. С п е р а н с к и й. Сербские тексты Жития Моисея. Автограф. 10 лл. (ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 50); е г о ж е. Судьба поучений Григория Богослова в старой славянской письменности. Автограф. 8 лл. (там же, № 68); е г о ж е. Сербский Венский сборник XVI века. Доклад. Автограф. 11 лл. (там же, № 380).

⁵⁵ М. Н. С п е р а н с к и й. Югославянские тексты «Исторической Палеи» и русские ее тексты, стр. 104—147.

⁵⁶ М. Н. С п е р а н с к и й. Апокрифические деяния ап. Андрея в славяно-русских списках. «Древности», Труды Московского Археологического общества. 1894, т. XV, вып. 2, стр. 35 — 76; е г о ж е. Славянские апокрифические евангелия. «Труды VIII Археологического съезда», М., 1895, т. II, стр. 38—172.

⁵⁷ М. Н. С п е р а н с к и й. Историјска Палеја, њени преводи и редакције у старој словенској књижевности. «Споменик». Српска Краљевска Академија. У Београду, 1892, т. XVI, стр. 1—15.

⁵⁸ М. Н. С п е р а н с к и й. Сербские хронографы и русский первой редакции, РФВ, 1896, № 1, стр. 1—18.

⁵⁹ M. S p e r a n s k i j. Zu den slavischen Übersetzungen der griechischen Florilegien. AslPh, 1893, Bd XV, str. 545—556.

⁶⁰ М. Н. С п е р а н с к и й. Славянские апокрифические евангелия (стр. 30, 79, 80 — русские духовные стихи о детстве девы Марии, о страстях, о сошествии Христа в ад; стр. 31 — русский заговор повитухи; стр. 31 — болгарская народная песня о рождении Христове).

Собирая в Праге в 1890—1892 гг. материалы по апокрифической литературе, М. Н. Сперанский обратил внимание на богатую коллекцию чешских лубочных изданий в Музее королевства чешского (ныне Национальный музей). В результате он написал краткий обзор чешской лубочной книжки, обнимающий 140 сюжетов, разделив материал на три раздела:

- 1) книжки религиозного содержания (№ 1—15);
- 2) книжки практического назначения (№ 16—29);
- 3) книжки повествовательного характера (№ 30—140).

По мнению М. Н. Сперанского, чешские лубочные издания представляют интерес не только для изучения чешского народного творчества, но и для русской народной поэзии. В обоих случаях — на Руси и у чехов — лубок сохранил отголоски средневековой литературы и — добавим мы — является связующим звеном между старинной повестью и устной сказкой нового и новейшего времени.

М. Н. Сперанский обращал внимание чешских этнографов на пятитомную монографию Д. А. Ровинского о русских лубочных изданиях и сравнивал чешских издателей лубочных книг (Škarnícl, Teslík a Neumann) с русскими лубочниками (Ахметьев, Сорокин, Гольшев, Губанов, Попов и Сытин)⁶¹. Свой обзор М. Н. Сперанский считал библиографическим дополнением к статье чешского исследователя Г. Махалья, напечатанного в 1898 г. в том же «Этнографическом сборнике» статью о некоторых наиболее известных сюжетах в чешских лубочных книжках⁶².

В настоящее время собраны сведения о деятельности чешских издателей-лубочников; обследованы издания так называемых ярмарочных песен, особого жанра чешской лубочной литературы. Безвременная героическая смерть в борьбе с немецким фашизмом прервала работу талантливого Б. Вацлавка над задуманной им монографией о чешской лубочной литературе⁶³. Поэтому задача, поставленная М. Н. Сперанским в 1900 г., — создать обобщающее исследование о чешских народных книжках, подобное книге Д. А. Ровинского, — все еще не разрешена чешскими этнографами и историками искусства.

Возвратимся к вопросу о разработке М. Н. Сперанским основной из интересовавших его проблем — byzantinoslavica и проследим развитие ее в его научной деятельности.

⁶¹ M. S p e r a n s k ý. Přehled knížek lidového čtení. «Národopisny sborník českoslovanský», Praha, 1900, sv. VI, str. 144—147.

⁶² H. M á c h a l. O některých knížkách lidového čtení. «Národopisny sborník českoslovanský», Praha, 1898, sv. III, str. 3—26.

⁶³ См., например, справочное пособие по истории чешской печати до 1848 г. Dr. Josef V o l f. Dějiny českého knihtisku do roku 1848. V Praze, 1926. Краткую антологию чешских лубочных повестей в 1941 г. под псевдонимом (Lumír Círvný) издал Вацлавек; второе издание книги вышло после окончания второй мировой войны с предисловием его вдовы, д-ра Ярославы Вацлавковой: B. V á c l a v e k. Historie utěšene a kratochvilné, člověku všelikého věku a stavu k čtení velmi užitečné. Praha, 1950.

Первую попытку обобщить материал по русско-славянским связям в XIII—XVIII вв., собранный в 1890—1895 гг., М. Н. Сперанский сделал во вступительной лекции 1896 г. Он отметил ряд русских произведений в сербских переводах (слова Кирилла Туровского в сборнике попа Драголя XIII в., сербский Пролог 1340 г. с русскими житиями Бориса и Глеба, Мстислава, Феодосия, Владимира, Ольги и др.) и показал, что сербские хронографы в списке XVII и XVIII вв. зависят от русского хронографа 1512 г., а в их составе стала известна в Сербии русская Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.

В этом же обзоре М. Н. Сперанский впервые указал, что значительное количество переводных произведений (византийских, польских и др.) пришло в Сербию в XIV—XVII вв. через посредство Руси. Именно таким путем и стали доступны сербам разнообразные сборники изречений («Пчела», изречения Менаандра, «Цветы дарований», «Премудрость философская»), Синаксарь великий, с вошедшими в него молитвами Кирилла Туровского и русским праздником Покрова, Историческая Палея, хроника Мартина Бельского, «История иудейской войны» Иосифа Флавия.

В заключение этого обзора М. Н. Сперанский писал: «Небольшой ряд перечисленных мною памятников, которые показывают русское влияние на сербскую письменность, вероятно, со временем дополнится, что более точно поможет формулировать это влияние. До тех же пор полагаю все-таки и этих памятников вместе с целым рядом старопечатных русских книг достаточно, чтобы утверждать, что подобное влияние было»⁶⁴.

В течение 1890-х и в 1900-х годах М. Н. Сперанский расширял круг изучаемых им южнославянских и западнославянских средневековых произведений (апокриф Заветы 12 патриархов в южнославянских и в чешской литературе; Загребская рукопись Владислава Грамматика; Сербские списки книг истинных и ложных и т. п.)⁶⁵.

Существенный интерес для характеристики М. Н. Сперанского слависта представляет специальный двухлетний курс, читанный им студентам 3—4-го курсов в 1903—1905 гг. в Нежинском Историко-филологическом институте, «Славянские отношения в русской литературе» (т. I, 640 стр.; т. II, 534 стр.).

«Главным содержанием предстоящего нам курса,— говорил М. Н. Сперанский на первой лекции,— будут взаимные отношения русской литературы и отчасти русской культуры (поскольку это необходимо для понимания явлений литературных) и литератур

⁶⁴ М. Н. Сперанский, РФВ, 1896, стр. 222.

⁶⁵ См. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина изд. Министерството на народното просвещение», кн. XVIII, София, 1901, стр. 242—251; Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому, ч. 1. СПб., 1907, стр. 19—40; «Сборник за народни умотворения...», кн. XVI—XVII, 1900, стр. 325—338; «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1908, кн. 3, Смесь, стр. 41—45.

и культур славянских». Он ставил затем вопрос: «Нужно ли изучение славянства и его отношений к русской литературе и, обратно, отношений русской литературы к славянству? Отвечаем вполне определенно: такое изучение необходимо»⁶⁶.

Указывая на родственность славянских народов, на общность их исторической судьбы, части этнических и культурных явлений в средние века, М. Н. Сперанский подчеркивал: «Многие факты нашей русской литературы вне этой связи истолкованы научно быть не могут». Говоря о роли южнославянских литератур в развитии русской в XI—XV вв., а затем о воздействии культуры Западной Европы в XVI—XVII вв. через посредство Польши и Чехии, М. Н. Сперанский предостерегал от одностороннего подхода, от ограничения знакомством «лишь с тем, что мы получили от других, т. е. сферой влияний, воспринятых русской литературой»⁶⁷.

С первых столетий самостоятельного развития, указывал далее М. Н. Сперанский, «русская литература, как и всякая другая, не только получала, но и со своей стороны давала другим, будут ли это ее самостоятельные создания или чужие, по-своему переработанные или даже лишь сбереженные ею... Именно эта сторона нашей литературы особенно выдвинулась за последнее десятилетие, когда в Западной Европе все чаще говорят о мировом значении русской литературы. Между тем эта действительная роль нашей литературы остается до сих пор малоосвещенной в наших историях литературы, твердящих лишь о заимствованиях, а в учебных пособиях даже совсем отсутствует, раз речь идет не о последних десятилетиях... Односторонность такого направления ясна; она подтверждается и фактами: немного, что собрано до сих пор, уже показывает, что и в древнее время русская литература, если и получала больше, нежели давала (почему это — мы знаем), то все же давала и подчас так много, что существенно влияла на склад развития южнославянских литератур... мы должны изучать нашу литературу в ее международном общении»⁶⁸.

Задача сравнительно-исторического изучения литератур, подчеркивал М. Н. Сперанский, не нова: она была поставлена еще А. Н. Пыпиным, который указывал, что история литературы должна изучать «явления литературы сравнительно, в международном взаимодействии» (А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I. Древняя письменность. СПб., 1898, стр. 31)⁶⁹.

Отсутствие достаточного материала для решения проблемы во всем ее объеме позволило ограничиться как первой попыткой

⁶⁶ М. Н. Сперанский. Славянские отношения в русской литературе. Литографированное с рукописи издание, т. I. Нежин, 1904, стр. 4—5 (далее: М. Н. Сперанский. Славянские отношения).

⁶⁷ Там же, стр. 6—7.

⁶⁸ Там же, стр. 8, 9, 10.

⁶⁹ Там же, стр. 20.

рассмотрением истории русской литературы в ее соотношениях с литературами славянскими, что, по мнению М. Н. Сперанского, дает «более правильное освещение крупным фактам как древней, так и новой нашей литературы»⁷⁰.

Делая широкий обзор источников во вступительной части курса, М. Н. Сперанский обращал внимание слушателей на ценность переписки ученых-славистов и не славистов, приводя примеры из переписки А. Х. Востокова, О. М. Бодянского, П. И. Прейса, В. И. Григоровича, П. И. Шафарика, И. И. Срезневского, И. В. Ягича⁷¹.

Хронологические рамки курса были широки, охватывая развитие русско-славянских связей от зарождения русской литературы до середины XIX столетия. Конечно, из материала этого курса многое устарело в настоящее время. Не говоря о древнерусской литературе, в которой многое разработано за последующие 60 лет, мы располагаем теперь гораздо более широкими материалами для освещения русско-славянских связей в XIX в. Мы знаем теперь гораздо больше и точнее о взаимоотношениях Пушкина с Мишкевичем, о русской теме у автора «Дзядов» и польской теме в творчестве Пушкина. Мы знаем теперь больше об Инсарове и его прототипе Катранове, о восприятии тургеневского творчества в Болгарии. Стали известными многие новые ценные материалы по западничеству и славянофильству.

Но сама постановка проблемы представляется плодотворной по замыслу и новаторской по выполнению.

В этом курсе М. Н. Сперанский впервые развил мысли о взаимном обогащении литератур славянских народов в процессе их многовекового общения, о преемственности в развитии средневековых литератур и литератур нового и новейшего периода, о необходимости шире и глубже изучать литературу средних и низших классов, не довольствуясь по традиции знакомством с литературой лишь господствующих классов.

Курс 1903—1905 гг. явился как бы программой его собственных дальнейших исследований.

Глубоко справедливой и плодотворной представляется мысль М. Н. Сперанского, сформулированная в конце первого тома: воздействие русской литературы на литературы южно- и западнославянские в XIX в. не может быть рассмотрено как явление, характерное только для русско-славянских связей: «... это отзвук влияния русской литературы на мировую» в XIX столетии, и только в этих рамках оно может быть правильно понято и оценено⁷².

Монографическая разработка тем о значении творчества русских писателей XIX в. в различных европейских странах (Пушкин за рубежом; Тургенев во Франции, Англии, Германии; Л. Толстой

⁷⁰ М. Н. Сперанский и. Славянские отношения, т. I, стр. 20.

⁷¹ Там же, стр. 65—68.

⁷² Там же, стр. 638.

и его мировое значение и т. д.) показывает глубокую справедливость этого утверждения теперь, когда на очереди стоит задача построения на новой основе истории всемирной литературы.

В последующие 35 лет деятельности М. Н. Сперанский многократно обращался к рассмотрению русско-славянских связей в XI—XVIII вв. Незавершенность истории южнославянских литератур в средние века часто заставляла его браться за исследование малоизученных или вовсе неизвестных южнославянских произведений, отвлекаясь от основной темы ⁷³.

Однако при рассмотрении дальнейшего развития проблемы *byzantinoslavica* в научной деятельности М. Н. Сперанского можно опустить отдельные частные исследования, но необходимо хотя бы кратко остановиться на трех его обобщающих статьях:

«К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (русские памятники письменности на юге славянства)» — 1923 г.,

«Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы» — 1927 г.,

«Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV—XVI вв.» — 1938 г. ⁷⁴

Введение к первой из этих статей М. Н. Сперанский построил на материале вышеизложенной вступительной лекции к специальному курсу 1903—1905 гг. Он подчеркивал снова, что по сравнению с численностью болгарских и сербских памятников и переводов на Руси, с деятельностью таких писателей на Руси, как митрополит Киприан или Пахомий Логофет, количество русских памятников у южных славян и деятельность русских книжников на Балканах не так велики. Тем не менее он указывал, что все это достаточно значительно по объему и дает основание поставить «общий вопрос о роли русской литературы в южнославянской, как мы в свое время ставили и решали вопрос о роли южнославянской литературы в русской» ⁷⁵.

Систематическое обследование собраний рукописей в Сербии и Болгарии, изучение южнославянских рукописей в русских хранилищах (в замечательной коллекции Хлудова в Историческом музее, в собрании Севастьянова в Румянцевском музее, в собрании Типографской библиотеки и др.), а также в архивах Вены, Берлина, Праги и Парижа в течение 1900—1912 гг. дало возможность М. Н. Сперанскому к 1920-м годам значительно расширить круг русских

⁷³ М. Н. Сперанский. Славянская письменность XI—XIV вв. на Синае и в Палестине. ИОРЯС, 1927, т. XXXI, стр. 43.

⁷⁴ Статьи М. Н. Сперанского 1923 и 1938 гг. подробно рассмотрены В. П. Адриановой-Перетц в статье «Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности» (ТОДРЛ, т. XIX, стр. 5—27). Ею же указаны существенные дополнения к наблюдениям М. Н. Сперанского в работах русских и южнославянских ученых по теме русско-славянских связей.

⁷⁵ М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (русские памятники на юге славянства). Сб. «Из истории...», стр. 12 (далее: М. Н. Сперанский. К истории...).

памятников в южнославянских списках даже при условии хронологических рамок XIII — начала XVI столетий.

По сравнению со статьей 1896 г. ему удалось расширить материал и привлечь к рассмотрению четыре группы произведений: оригинальные памятники русской письменности и литературы XI—XII вв. (служба Борису и Глебу русского митрополита Иоанна I в сербской Служебной минее XIII—XIV вв., «Послание к брату столпнику» митрополита Илариона, «Слово о вере варяжской» Феодосия Печерского, «Канонические ответы» русского митрополита Иоанна II, Несторово «Житие Феодосия Печерского», чудеса Николы Чудотворца, «Притча о белоризце» и «Притча о слепце и хромце» Кирилла Туровского); памятники церковного права (Иловецкая кормчая 1262 г. с признаками русского извода, Книги законные, Хиландарский типик); переводная Повесть об Акире Премудром; переводы евангелия (Врачанское евангелие, Четвероевангелие) и богослужебных книг (сербская Служебная минея за июль с русскими дополнениями, Зайковский требник) с русских текстов.

Подводя итоги своему исследованию русско-славянских связей в 1923 г., М. Н. Сперанский подчеркивал взаимный характер обмена литературными произведениями Руси с южными славянами в XI—XVI вв.

Незначительный промежуток времени, отделявший переход памятника на Балканы от времени его появления на Руси, указывал на активность этого обмена и на интерес к русской культуре у южных славян в это время. При этом М. Н. Сперанский отмечал роль в этом процессе не только церковных деятелей, но и светских, вроде Иоанна Святослава, болгарского деспота. Именно такие люди, по его мнению, могли перенести на юг такие памятники, как «Пчела», моностихи Менандра, Повесть об Акире премудром ⁷⁶.

Изучая литературную историю русских памятников у южных славян, М. Н. Сперанский никогда не забывал и о том, чем русская письменность и литература на заре своего развития были обязаны славянскому югу, в частности Болгарии. Обратившись к филологическому анализу русской Толковой псалтыри (так называемая Толстовская Псалтырь ГПБ, Ф. п. I. 23, XII в.; «Евгеньевские отрывки» XI в.), он показал, что их основой послужили, по всей видимости, западноболгарские глаголические оригиналы. По его мнению, это не исключительное явление: «русская письменность и литература до официального принятия христианства Русью стояла уже в связи со славянской письменностью Болгарии, в частности — Западной Болгарии и Македонии». Оттуда и шли на Русь, как полагал М. Н. Сперанский, древнейшие памятники церковной письменности, отсюда и пришло на Русь обычное тогда в Македонии и Западной Болгарии глаголическое письмо ⁷⁷.

⁷⁶ М. Н. Сперанский. К истории..., стр. 54.

⁷⁷ М. Н. Сперанский. Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы? «Slavia», 1928, т. VII, вып. 3, стр. 516—535.

Статья М. Н. Сперанского 1938 г. «Русские памятники письменности в южнославянских литературах XIV—XVI вв.» является продолжением статьи 1923 г. Кроме расширения круга наблюдений над произведениями, ранее им изученными (Повести о Царьграде, Сказание о Николе Чудотворце, Историческая Палея), он привлек также новые произведения: ряд апокрифических сказаний (Житие Моисея, Книга Еноха, Откровение Мефодия Патарского, Вопроснение апостола Варфоломея) Житие Андрея Юродивого, противонудейский полемический трактат и «Слова» Григория Богослова с «Голкованиями» Никиты Ираклийского.

Самым ценным, на наш взгляд, в этой статье М. Н. Сперанского является не только необычайная широта материала и глубокая эрудиция, но и стремление по-новому подойти к изучению русско-славянских связей в 1930-е годы.

При исследовании литературной истории как произведений византийской литературы на Руси и в Сербии, так и собственно русских М. Н. Сперанский подчеркивает сложность и взаимное переплетение работы русских и югославянских книжников.

Южнославянский перевод 16 слов Григория Богослова, сделанный не позже XIII в., был дополнен на Руси толкованиями Никиты Ираклийского (переведенными с греческого непосредственно на русский язык в XIII—XIV вв.). Вернувшись в таком виде на Балканы, произведения были там проредактированы по греческим текстам и снова вернулись на Русь в период второго южнославянского влияния, положив начало русским спискам XIV и позднейших столетий, существенно отличным от ранних южнославянских переводов, известных в русских списках с XI в.

Этот пример, как правильно отмечает М. Н. Сперанский, показывает непрерывность русско-славянских связей и свидетельствует о работе русских книжников над переводами произведений византийской письменности в XIII—XIV вв.

С другой стороны, М. Н. Сперанский отмечал неразработанность литературной истории некоторых произведений, широко распространенных на Руси и у южных славян (Житие Андрея Юродивого и чудеса Николы), и широкий взаимный обмен этими произведениями, причем для древнейшего периода наблюдается «преимущественно течение из русской литературы на юг, а для среднего периода — течение с юга на Русь»⁷⁸.

Изучая переход на Балканы русских списков апокрифов эсхатологического содержания, М. Н. Сперанский ставит вопрос о необходимости не исследовать отдельные статьи, а проследить судьбы циклов произведений, подобных циклу сербского сборника XVI в. бывш. Венской придворной библиотеки (№ 125)⁷⁹.

⁷⁸ М. Н. С п е р а н с к и й. Русские памятники письменности в южнославянских литературах XIV—XVI вв., Сб. «Из истории...», стр. 103.

⁷⁹ Там же, стр. 85—94.

Занимаясь в течение свыше 40 лет изучением Исторической Палеи на южнославянской почве, в исследовании 1928—1935 гг.⁸⁰ М. Н. Сперанский показывал, что древнейший болгарский ее перевод известен теперь либо по русским спискам не старше XV в., либо через немногие сербские списки, зависящие в свою очередь от русских. Таким образом, русские списки этого памятника представляют существенный интерес для его литературной истории как на болгарской, так и на сербской почве.

В дополнение к статьям М. Н. Сперанского о русских памятниках на славянском юге в XIII—XVIII столетиях надо вспомнить его наблюдения о русско-сербских и украинско-русско-сербских связях через посредство печатной книги и школы в XVII—XVIII вв.

Еще в 1905 г. М. Н. Сперанский показал, что изучая русско-сербские связи в XVI—XVIII вв., нельзя оставить без внимания сербские надписи на русских старопечатных книгах⁸¹; позднее он возвращался к той же мысли, расширяя материал историей книгопечатания у южных славян в XVII в.⁸²

В 1915 г. он обработал свои выписки из сербских сборников школьных виршей (на праздники и в честь популярных святых) в виде доклада⁸³, который был издан частично при жизни автора⁸⁴. Между тем в данной работе М. Н. Сперанским затронут интересный вопрос о взаимодействии украинской, русской и сербской школьной поэзии и драматургии, к которому он вернулся в 1930-е годы, изучая русско-украинские связи на материале рукописных сборников XVIII в.⁸⁵

В своей работе 1915 г. М. Н. Сперанский указывал на тесные русско-украинско-сербские связи в области церковной школы в XVIII в., вспоминал биографию украинца Эммануила Козачинского, который продолжил литературную деятельность в Сербии, создал историческую школьную драму об Уроше пятим, отмечал переводы на сербский язык проповедей Гедеона Балабана, Феофана Прокоповича и других писателей.

⁸⁰ М. Н. Сперанский. Югославянские тексты «Исторической Палеи» и русские ее тексты. Сб. «Из истории...», стр. 104—142.

⁸¹ М. Н. Сперанский. Один из сербских источников русской истории. «Чтения в обществе Нестора-летописца», кн. XVIII, вып. 3—4, Киев, 1905, отдел IV, стр. 37—51.

⁸² М. Н. Сперанский. Иван Федоров и его потомство. «Древности», Труды Московского Археологического общества, 1914, т. XXIII, вып. 2, стр. 80—88.

⁸³ М. Н. Сперанский. Сербские школьные вирши. Автограф 1915 г. (ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 34, 26+11 лл.). Вторая часть автографа (лл. 20—26) под заглавием: «Сербские школьные вирши (из истории украинско-русско-сербских связей в начале XVIII века)» см.: ТОДРЛ, т. XIX, 1963, стр. 404—413.

⁸⁴ М. Н. Сперанский. К вопросу о русском влиянии в сербской литературе 18 века [вирши об Алексее человеке божьем, соч. В. Ракича]. «Труды Ин-та славяноведения», 1934, т. II, стр. 27—33.

⁸⁵ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века..., стр. 101—102.

Этими условиями, отмечал М. Н. Сперанский, и объясняются вирши Ивана Раича, воспитанника Киевской академии, который подражал своим украинским учителям, такие же произведения Гавриила Венцловича, Викентия Ракича и та «Катавасия» (Белград, 1856), из которой П. А. Бессонов взял большинство сербских духовных стихов.

В этом докладе М. Н. Сперанский внимательно анализировал фонетику, словарь и рифмы разнообразных анонимных сербских виршей (на рождество Христово, в честь святых Алексея и Спиридона — по сборникам Белградской Народной библиотеки № 110, 337, 445, 547; Сербской Академии наук № 27 и 140) и автограф Гавриила Венцловича 1736—1740 гг. (Вирш на Воскресение Христово — сборник Сербской Академии наук № 140/31).

Силлабический (11—12—13-сложный) стих, парные женские рифмы (последние нередко в украинском звучании: вѣка — владика; в гробѣ — озлоби и т. п.), даже ошибки («вичуем» вм. «виншуем» от польск. *winszować*) сербских поэтов, как убедительно показал М. Н. Сперанский, доказывают, что сербская силлабическая школьная поэзия XVIII в. стоит в тесной связи с ее украинско-русскими образцами.

Другим примером изучения М. Н. Сперанским русско-славянских взаимосвязей в XVIII в. является болгарская Повесть о взятии Царьграда турками, встречающаяся в половине XVIII в. в «Дамаскинах».

В отличие от аналогичной сербской повести, связанной с русской рукописной хронографической традицией, болгарская повесть, как указал М. Н. Сперанский, восходит к московскому печатному изданию младшего комплекса сказаний о Царьграде («История о разорении последнем святого града Иерусалима от римскаго цесаря Тита сына Веспасианова. Вторая о взятии славнаго столичнаго града греческаго Константинополя, иже и Царьград, от турскаго султана Махомета втораго. Напечатана повелением царского величества в типографии Московской лета господня 1713 в месяце ноябре»).

В своем исследовании литературной истории Повести о взятии Царьграда турками на Руси М. Н. Сперанский подчеркивал сложный характер византийско-русско-славянских связей на примере данного произведения.

Создавая «Скифскую историю» (1692), Андрей Лызлов дополнял текст русской рукописной хронографической повести о событиях 1453 г. материалами из «Повести о турках» анонимного польского автора, из хроник М. Кромера и М. Стрыйковского, помимо вставок из «Степенной книги» и собственных дополнений (или сокращений).

В свою очередь, как далее показал М. Н. Сперанский, редактор московского издания 1713 г. добавил в книгу материалы о падении и создании Царьграда из Кальвизия, Готофрета, греческого печатного хронографа псевдо-Дорофея Монеувасийского и других источников.

Существенными положительными качествами М. Н. Сперанского в области *byzantinoslavica*, как и в области старинной русской литературы, были осторожность в выводах и отсутствие категорических формулировок, несмотря на тщательный филологический анализ издаваемых или изучаемых им текстов.

Подобно И. В. Ягичу, М. Н. Сперанскому была ясна малая степень разобранности рукописного наследия древности во многих хранилищах. Подобно И. В. Ягичу, он представлял себе средневековый период истории славянских литератур, как «огромное еще не возделанное, а во многих частях и неизведанное поле, на котором предстоит не только сеять и культивировать науку, но и поднимать новь, делать новые, неожиданные быть может, открытия»⁸⁶.

Отсюда постоянный призыв М. Н. Сперанского: шире изучать рукописи. Отсюда его указания на отдельные списки произведений, которые встретились ему, были им отмечены, но не были изучены. Таковы, например, «Хроника» Георгия Амартола в сербском переводе (сборник XVI в. Сербской Академии наук в Белграде № 24 106)⁸⁷, или «Толковая Палея» в сербском списке 1633 г. Хилендарского монастыря, № 307⁸⁸.

Для будущих исследователей, своих преемников в изучении южнославянской и русской тайнописи, М. Н. Сперанский собрал воедино непрочтенные им южнославянские и русские тайнописи и не раскрытые им системы тайнописи⁸⁹.

М. Н. Сперанский обращал внимание будущих читателей на сложность и неизученность литературной истории отдельных произведений или целых циклов (например, чудес Николы) на южнославянской и русской почве⁹⁰.

М. Н. Сперанский считал чрезвычайно важным всемерно расширять круг источников, привлекая, например, в качестве историко-литературного источника записи на рукописных сборниках и старопечатных книгах. Поэтому в некрологе Л. В. Стояновича, замечательного сербского археографа, библиографа и источниковеда, М. Н. Сперанский призывал исследователей старинной русской литературы последовать примеру Л. В. Стояновича-археографа: «... говорить о важности для историка и историка литературы собрания надписей и записей, находящихся на различных старинных предметах, преимущественно на книгах, рукописных и печатных, едва ли здесь уместно, — писал М. Н. Сперанский. — Это, кстати сказать, одна из насущных потребностей и русской историографии

⁸⁶ М. Н. С п е р а н с к и й. Жизненный труд и историко-литературная деятельность И. В. Ягича, стр. 365.

⁸⁷ М. Н. С п е р а н с к и й. Югославянские тексты «Исторической Палеи» и рукописные тексты, Сб. «Из истории...», стр. 108—110.

⁸⁸ Там же, стр. 106, сноска 1.

⁸⁹ М. Н. С п е р а н с к и й. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 4, 3, Л. 1929, стр. 52—55, 151—156, 156—157.

⁹⁰ М. Н. С п е р а н с к и й. Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV—XVI вв., Сб. «Из истории...», стр. 98.

до сих пор; Стояновичем собрано и издано свыше 10 тысяч таких записей и надписей, частью проверено по подлинникам, если они были изданы раньше, большею же частью впервые извлечено из рукописей и книг, снабжено подробными указателями»⁹¹.

Важной задачей, все еще не решенной славистами, М. Н. Сперанский (разделявший в этом вопросе взгляды А. Н. Пыпина и И. В. Ягича) считал создание «полной истории славянских литератур в их взаимобращении и отношениях к неславянским»⁹². Эта проблема представляется особенно актуальной сейчас, когда стоит на очереди написание истории всемирной литературы.

Конкретно-историческое раскрытие взаимного характера связей славянских литератур (в частности, воздействия русской литературы на сербскую в XIV—XVIII столетиях), глубокое уважение к тому, что внесено каждым славянским народом в общую сокровищницу культуры, широкий исторический фон и свободное владение разнообразным архивным материалом делают исследования М. Н. Сперанского весьма ценными и поныне.

Не случайно болгарский исследователь Б. С. Ангелов в своей рецензии на сборник статей М. Н. Сперанского «Из истории русско-славянских литературных связей»⁹³ предлагает собрать и напечатать отдельной книгой все исследования М. Н. Сперанского, посвященные связям русской литературы с южнославянскими литературами до XVIII в. включительно.

Следует полностью обследовать обширную переписку М. Н. Сперанского с зарубежными славистами, которая содержит немало интересных материалов по истории славяноведения в СССР и в других странах.

Les oeuvres slavistiques de M. N. Spéransky

R é s u m é

L'intérêt contemporain pour la méthode comparative dans les sciences littéraires fait apprécier la valeur de la méthode de l'académicien M. N. Spéransky dans ses oeuvres, concernant surtout deux problèmes:

1) Les rapports entre les littératures slaves et la littérature byzantine.

2) Les rapports et l'action réciproque entre les littératures slaves de la période du XI au XIX ss.

Ces problèmes discutés dans les premières oeuvres de Spéransky

⁹¹ М. Н. Сперанский. Л. В. Стоянович (некролог), стр. 133. Ср. также рецензию М. Н. Сперанского на издание Л. В. Стояновича «Стари српски записи и натписи» (AsIPh, 1903, т. XXV, стр. 152—156).

⁹² М. Н. Сперанский. Жизненный труд и историко-литературная деятельность И. В. Ягича, стр. 365.

⁹³ Бою Ст. Ангелов. Из историята на литературните връзки между руси и южни славяни. «Литературна мисъл», София, 1961, год V, кн. 5, стр. 168.

l'occupèrent toute sa vie: cela se prouve par ses œuvres et par sa correspondance inédite avec ses collègues habitant les pays slaves du Sud et de l'Ouest; cette correspondance se trouve dans les Archives de l'Académie des Sciences de l'URSS, les Archives centrales de littérature et d'art de l'URSS à Moscou et la Bibliothèque de Lénine.

Toute sa vie M. N. Spéransky travaillait simultanément sur les questions de la littérature slave et de la littérature byzantine; il s'est donné la tâche de recueillir les matériaux pour l'histoire de la littérature russe de l'ancienne période dans ses rapports à la littérature byzantine, aux littératures slaves du Sud et de l'Ouest, ainsi que dans ses rapports aux littératures de l'Europe Occidentale.

M. N. Spéransky, disciple de N. S. Tihonravov, était convaincu qu'il était impossible de déterminer l'évolution de la littérature se basant exclusivement sur la littérature des classes dirigeantes. Il prenait un intérêt particulier à l'étude de la littérature apocryphique, qui était liée aux mouvements des hérésies, des nouvelles d'origine démocratique, de la littérature de colportage et de l'imagerie populaire.

Dans cet article outre les publications de M. N. Spéransky dédiées au problème «byzantin-slavica» sont analysés ses travaux archéographiques et le cours lithographié de 1903—1905, intitulé «L'interdépendance des littératures slaves et de la littérature russe», ainsi que les œuvres de Spéransky qui viennent d'être publiées («Les vers scolaires serbes. Pour l'histoire des rapports ukraino-russo-serbes», «Les recueils manuscrits de XVIII s. Matériaux pour servir à l'histoire de la littérature russe de XVIII s.») et ses œuvres encore inédites qui se trouvent dans les Archives centrales de littérature et d'art de l'URSS («Le voyage à travers la Serbie et la Bulgarie. L'été 1897», «Les textes serbes de la Vie de Moïse», «Le recueil serbe de Vienne daté de XVI s.», «Le sort des sermons de Grégoire de Nazianze dans la littérature ancienne slave.»)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ XI—XXII ВВ.

И. П. Е р е м и н. О византийском влиянии в болгарской и древне-русской литературах IX—XII вв.	5
Н. К. Г у д з и й. Традиции литературы Киевской Руси в старинных украинской и белорусской литературах	14
Д. С. Л и х а ч е в. Система литературных жанров древней Руси . . .	47
Я. С. Л у р ь е. О судьбах переводной беллетристики в России и у западных славян в XV—XVI вв.	71
Н. И. Б а л а ш о в. Ренессансная проблематика испанской драмы XVII в. на восточнославянские темы	89
В. Д. К у з ь м и н а. М. Н. Сперанский как славист	125

II. СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ XIX—XX ВВ.

В. В. В и т т. О некоторых тенденциях развития реализма в польской литературе конца XIX — начала XX в.	155
А. П. С о л о в ь е в а. Утверждение реализма в чешской литературе	175
Ю. А. К о ж е в н и к о в. Попоранизм и проблема влияния русской литературы на румынскую	201
В. И. З л ы д н е в. К истории русско-болгарских литературных связей XX в.	226
Г. М. Ф р и д л е н д е р. Наследие русских революционных демократов и его значение для развития славянских литератур	263
Н. Л. С т е п а н о в. Классические традиции и советская литература	297
И. А. Б е р и ш т е й н. Поиски нового героя в чешской литературе (1918—1945)	327
Д. Ф. М а р к о в. Формирование социалистического реализма в литературах южных и западных славян (к вопросу об общих закономерностях процесса)	352
Список сокращений	377

Славянские литературы
Доклады советских ученых,
подготовленные к V Международному съезду славистов

*Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР*

Художник *Эльцифер М. И.*
Технический редактор *Дорохина И. Н.*

РИСО АН СССР № 1—119В. Сдано в набор 30/III 1963 г.
Подписано к печати 25/V 1963 г. Формат 60×90^{1/16}.
Печ. л. 23.75. Уч.-изд. л. 24,8. Тираж 2400 экз. Т-04641.
Изд. № 1850. Тип. зак. № 2060.

Цена 1 р. 19 к.

Издательство Академии наук СССР,
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

О П Е Ч А Т К И И И С П Р А В Л Е Н И Я

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
12	3 сн.	bus	bis
13	8 сн.	Schriit	Schrift-
13	7 сн.	Hagiographe	Hagiographie
13	4 сн.	Entwicklung	Entwicklung
46	14 сн.	privé	privée
70	1 сн.	genre	genres
87	8 сн.	traced well no	traced no
93	3 сн.	Reregrina	Peregrina
102	8 сн.	figliuol	figliuolo
118	5 сн.	ca î	caî
124	8 сн.	ce cette idée	cette idée
135	25 сн.	византийской	славянской
152	12 сн.	travaué	travaux
152	11 сн.	intituls	intitulé
152	10 сн.	rur-	rus-
152	8 сн.	rappotts	rapports
152	7 сн.	Masé	Maté-
200	12 сн.	wurde eine neue	wurde zu einer neuen
200	18 сн.	hat	hatte
200	24 сн.	von	vor
225	7 сн.	gende	gande
225	7 сн.	appurie	appuie
296	12 сн.	certin	certain

«Славянские литературы. Международный съезд славистов».